

Синева

ТЕКСТ СЕМЁН ВАКСМАН

ФОТО ИЗ СЕМЕЙНОГО АЛЬБОМА ХУРСИКОВ

— Вить, а Вить, Вить, а Вить! — дешифрировал я сладостное пение невидимого соловья. — Выпьешь? Выпьешь? Выпьешь?

— Выпью! Выпью! Выпью! — Виталий Хурсик продолжил:

— А может чаем, может чаем?

Друзья звали его Витеем. Многие величали великим Хурсом, иногда за глаза, шутейно, но чаще всерьёз. Кроме него, великим считали в нашей среде только Шершнёва, главного геолога треста «Пермнефтегеофизика», в юности открывателя барьерных рифов и атолловых островов девонского времени, до сих пор питающих наш край свежей нефтью.

Как-то на геологическом совещании в Оренбурге московский профессор Виталий Кузнецов, мой сокурсник по нефтяному институту, собирая всё о погребённых рифах земного шара, сказал мне: «Я прослышал, что приехал сам Хурсик. Будь добр, познакомь меня с ним». Надо было видеть, как профессор снизу вверх взирал на уютного, обаятельного, осанистого Хурса, неторопливо просвещавшего столичного геолога по части строения рифов пермского времени.

У Вити давно была готова кандидатская по кунгурскому ярусу — верхнему ярусу нижнепермской системы, и публикаций море, и экзамены сданы, и сам легендарный Пал Саныч Софроницкий в потылицу гнал его на защиту. Но Витя был фантастическим перфекционистом — по Борису Пастернаку:

Всём мне хочется дойти
До самой сути,
В работе, в поисках пути,
В сердечной смуте.

До сущности протекших дней,
До их причины,
До оснований, до корней,
До сердцевины.
Шершнёв смеялся:
— Самый короткий анекдот: Хурсик незащищённый. Это как раз тот случай, когда все уверены, что он выходит на докторскую, а он даже не кандидат!

ДО НАЧАЛА ПЕРМСКОГО ВРЕМЕНИ НИКАКОГО УРАЛА НЕ БЫЛО, А БЫЛ УРАЛЬСКИЙ ОКЕАН, НА ЗАПАДЕ ПЕРЕХОДЯЩИЙ В МЕЛКОВОДНОЕ МОРЕ

Витя не выносил таких разговоров, менялся в лице, терял свой обычный добродушный юмор.

— Константин Степанович, я вас за три года шесть раз видел, и каждый раз вы одно и то же говорите.

Его речь, лишённая небольшой дозы обсценной лексики, становилась неестественно вежливой.

Шершнёв продолжал:

— В старом журнале «За рубежом» однажды написали, как Никсону речи для печати готовят, превращая нецензурный текст в цензурный. Над вашим текстом, Виталий Захарьевич, я думаю, поработал ваш лучший друг Лев Леонидович Благиных. Это был короткий анекдот номер два. В мужской компании Лёвик нередко изъяснялся примерно так: «Байрон, мать его туды,

был самым красивым мужчиной в Британии, он был хромым и он переплыл Геллеспонт, туды его мать». Лев, правнеправ, действовал уверенно, грудь вперёд. Когда надо, шёл напролом, и всё. В своей диссертации он так крепко сбил разрезы скважин на юге Республики Коми и на севере Пермского края, что его картами до сих пор пользуются геологи.

— Если ты прав...

— Я прав всегда.

На небе лёгкие облачка — весна! Витя с Лёвой собираются на рыбалку, идут как два викинга, каждый трясёт коробочку с красным комаринным мотылём — его у нас зовут «малинкой», стряхивают воду. Я каждую среду приношу ребятам «Голубой стадион» — приложение к газете «Советский спорт». Они вычитали там способ хранения малинки в смеси со спитым чаем — внутри сырой картофелины.

Проблема в пермских водоёмах была с хитрой рыбой лещ. Он научился сбоку стаскивать наживку с крючка. Геннадий Александрович Чазов, серьёзный человек, директор проектного нефтяного института, заслуженный изобретатель, заядлый рыбак, при помощи свинцовой печати изучил повадки леща, придумал, где и как приварить боковое жало. Получил очередное свидетельство об изобретении. Но вскоре лещ опять научился срывать червяка. «Ах ты так! Такой ты и есть! Но врёшь, не уйдёшь!»

Рыбаки-аналитики фиксировали температуру и давление, вели записи: «Заехали в Шеметинский залив. Не